

Светлана КАМЕКА,
Максим ЧИЖИКОВ

Григорий РАПОТА:

НЕ ПОМНЮ, ЧТОБЫ ПРЕЗИДЕНТЫ

■ На посту Госсекретаря Союзного государства он пробыл 9,5 года. В интервью «СВ» Григорий Алексеевич подвел итоги своей работы в этой должности и поделился планами на будущее.

НА ВЗАИМНОМ ДОВЕРИИ

- Григорий Алексеевич, у вас были непростые обязанности на посту Госсекретаря Союзного государства. Приходит на ум такое футбольное сравнение. Вы стоите на воротах, и вам летят мячи с двух сторон - с российской и белорусской. Их надо поймать или отбить, а может, и дать забить гол. А потом, как рефери, объяснить каждой из сторон, что они на самом деле имели в виду. Иначе игра встанет. И вот пришло время сменить команду. С каким чувством вы покидаете ее, эти стены, союзное поле?

- Сказать, что я спокойно покидаю пост Госсекретаря Союзного государства, было бы неправильно. Это бросило бы тень на всю мою работу здесь в течение 9,5 года, и возникло бы подозрение в равнодушии к тому, чем ты занимаешься. А это не соответствует действительности, поскольку тут оставлена и часть души, и сил, и здоровья. Что естественно при нормальном отношении к делу. А я считаю, что мы все в Постоянном Комитете относимся к делу заинтересованно, болеем за результат.

И когда для меня наступает момент смены амплуа, то, во-первых, вспоминается все, что сделано. Во-вторых, хочется, чтобы дела здесь дальше шли хорошо, а может быть, и еще лучше. И потом, лелею надежду, что тему российско-белорусских отношений я не оставляю. И смогу, надеюсь, что-то полезное сделать для укрепления этих отношений

с других позиций. И это греет душу.

А что касается сравнения с рефери или вратарем, то тут трудно что-то сказать. Для меня это обычная работа. Собственно, она не отличается от любой другой, когда перед тобой стоят задачи или ты сам их формулируешь. А часто нам приходится поступать именно так, чему я очень рад. А то, что предметом нашей деятельности являются две страны со своими национальными интересами, делает работу еще более интересной. Очень важно, чтобы эти национальные интересы совпадали как можно в большем количестве аспектов. Все как в обычной жизни: когда люди друг другу доверяют, то и совместные задачи решаются веселее. А если возникают элементы недоверия, тут и возникают проблемы.

ПОЛИТИК, ЧИНОВНИК, ДИПЛОМАТ

- И все равно российско-белорусские отношения трясло прилично. Были и «мясные, мясные войны», споры из-за цены на газ и на нефть. У вас была задача всегда оставаться «над схваткой». Сами кем себя больше ощущали: политиком, чиновником или дипломатом?

- Всем вместе. Не то чтобы мы оставались над схваткой, мы пытались внести свою лепту в урегулирование проблем. Другое дело, что это надо делать достаточно деликатно, так, чтобы никого не обидеть. Потому что в обстановке раздражения, недоверия друг к другу трудно прийти к согласию. Это с одной стороны. А с другой - мы же действительно должны вносить свою лепту в урегу-

Григорий Рапота, по его словам, и не представлял вначале, что Ржевский мемориал получится столь грандиозным.

Михаил ФРОЛОВ/Аimedia.ru

лирование этих споров, предлагать решения, которые устраивали бы обе стороны. Все проблемы и спорные вопросы, что возникали, мы стремились вынести на поляну дискуссий наших интеграционных структур: Совета министров, Группы высокого уровня, просто на экспертные совещания. Таким образом, мы не были равнодушными наблюдателями.

- Были такие острые моменты, когда дело могло дойти до потасовок?

- Нет, конечно. Но на экспертном уровне иногда эмоции зашкаливали, в конце концов все - живые люди. Но это не получало своего развития, потому что люди, вовлеченные в двусторонние отношения, достаточно профессиональны, чтобы на-

ходить конструктивные решения. Иначе, собственно, и быть не должно. Не важно, к какой профессии ты принадлежишь: энергетик, транспортник или отвечаешь за сельское хозяйство. Даже по самым острым спорам мы выходили на разумный диалог. Иногда он заканчивался ничем, и такое бывало. Поэтому опять возвращались к этому вопросу и уже находили решение. Но чаще всего какое-то движение было с самого начала. Когда я работал в ЕврАзЭС, там было еще сложнее: поскольку в объединение входило пять стран. И было порой пять различных позиций.

- То штиль, то шторм...

- Тут все зависит от вашего внутреннего состояния. Если вы относитесь нетерпимо

к партнеру и считаете свое мнение единственно правильным, тогда вам все будет казаться штормом. Меня иногда ставят в тупик заявления некоторых наших политологов или журналистов, которые, комментируя наши отношения с той или иной страной, говорят: видите, какие они хитрые, преследуют свои собственные интересы. А какие они должны интересоваться, если не собственные? У России есть свои национальные интересы: в сфере обороны, экономики, в той же энергетике, если хотите, и в сфере культуры (сохранение своего культурного кода, например). У белорусов - свои. К счастью, в большинстве они совпадают. Очень важно, чтобы интересы были четко сформули-

■ У Ржевского мемориала могут появиться концертная площадка и места для отдыха и развлечений.

- Вам приходилось много общаться и с Владимиром Путиным, и с Александром Лукашенко. Видеть их в неформальной обстановке. Что осталось для нас за кадром этих встреч?

- Что было за кадром, то осталось и вне поля моего зрения. Я присутствовал на многих официальных встречах, либо в широком формате, либо более узком. И они неизменно проходили в конструктивной обстановке и всегда были нацелены на решение конкретных задач. И если возникала необходимость что-то прояснить, дополнительно проработать, то тут же давались поручения специалистам, которые за это отвечают.

И если приходилось обращаться

БУДУЩЕЕ БРОНЗОВОГО СОЛДАТА

с каким-то просьбами и к Владимиру Владимировичу, и к Александру Григорьевичу, не помню случая, когда мне сказали бы «нет».

- Помогало в делах, что у президентов особые отношения?

- Вне всяких сомнений. Чем больше доверия на всех уровнях, тем легче решаются задачи. И то, что два президента в любой момент могут созвониться и встретиться, - тоже показатель особых отношений.

- На предложение о строительстве Ржевского мемориала они тоже сразу сказали: «Да»?

- Конечно. Я вообще сторонник того, чтобы начинать проработку вопроса не с высших должностных лиц, а на рабочем уровне. В этом случае важно было отношение губернатора Тверской области. Мы побывали и в лаге-

ре поисковиков, чтобы внутренне проникнуться всем трагизмом ситуации, которая характерна для этого участка фронта во время войны. И когда это все накопилось, я действительно обратился к Владимиру Владимировичу и Александру Григорьевичу, и они без колебаний дали согласие.

Дальше уже был вопрос техники, пусть и очень тяжелый. Но тут надо отдать должное Министерству культуры: Владимиру Мединскому и его заму Николаю Овсиенко, который буквально дневал и ночевал на площадке возведения мемориала.

- Когда все это начиналось, вы же не представляли, что получится такой грандиозный мемориал?

- Нет, не представлял.

- Волосы не зашевелились, когда оценили размах?

В ШИРОКОМ ФОРМАТЕ

- Зашевелились. Когда что-то очень хочется сделать, а потом видишь результаты своего труда, это не может оставить человека равнодушным.

- Но вы же не оставите вниманием и в дальнейшем этот проект?

- Сейчас мяч на стороне Тверской области, потому что ей принадлежит прилегающая территория. Ее надо обустроить соответствующим образом, обложить в какую-то единую архитектурную композицию. У нас есть договоренность с губернатором Тверской области о концептуальном плане развития территории. Когда он появится, будет легче говорить и с инвесторами. Если там предполагается проведение каких-то мероприятий, то должна быть концертная площадка; обязательно должны быть пункты питания, а для детей - места для отдыха и развлечений и т. д.